

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИДЕИ СПАСЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

THE HUMANISTIC ASPECT OF THE IDEA OF SALVATION IN THE CONDITIONS OF MODERN CIVILIZATION

**O. Pugachev
Yu. Rusakovich
T. Dorofeeva**

Summary: The article discusses the ethical aspects of modern technogenic, pan-technical civilization, one of the features of which has become the familiar nature of emergencies. In this regard, there is an expansion of the range of rescue operations and the complication of the concepts of «rescue», «rescuer». The actions of rescuers combine professional and human duty. The authors substantiate the difference between the two concepts – «rescue» and «salvation», trying to overcome the gap between essence and existence. Modern soteriology is based on the position that the anthropological (ethico-philosophical) meaning of salvation cannot be finally approved without its theological (actually soteriological) foundation. Despite the «temporary» nature of rescue, its necessity cannot be questioned due to the supreme value of life and the absolute moral justification of such an action.

Keywords: civilization, technology, emergencies, salvation, rescue, soteriology, essential and existential.

Пугачев Олег Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Пензенский
государственный аграрный университет
pugachev.o.s@pgau.ru

Русакович Юрий Александрович

Аспирант, Пензенский государственный аграрный
университет

Дорофеева Татьяна Геннадьевна

Кандидат философских наук, доцент, Пензенский
государственный аграрный университет

Аннотация: В статье рассматриваются этические аспекты современной техногенной, пантехнической цивилизации, одной из черт которой стал привычный характер чрезвычайных ситуаций. В связи с этим происходит расширение круга спасательных операций и усложнение понятий «спасатель», «спасение». Действия спасателей совмещают в себе долг профессиональный и долг общечеловеческий. Авторы обосновывают различие двух понятий – «спасение» и «спасание», пытаясь преодолеть разрыв между сущностью и существованием, «эссенциальным» и «экзистенциальным». Современная сoteriология строится на положении, что антропологический (этико-философский) смысл спасения не может быть утверждён окончательно без теологического (собственно, сoteriологического) его основания. Несмотря на «временный» характер спасения, его необходимость не может подвергаться сомнению в силу высшей ценности жизни и абсолютной моральной оправданности такого действия.

Ключевые слова: цивилизация, техника, чрезвычайные ситуации, спасение, спасание, сoteriология, эссенциальное и экзистенциальное.

Современная, порожденная техникой и техническим образом существующая цивилизация, поддерживает статус таковой за счет минимальных средств обуздания зла в праве и максимальным его отрицанием в морали и этике [4]. Этот, сугубо этический аспект цивилизации исходит из определения видного философа советского периода М. Мамардашвили.

Однако техника сама по себе – сфера, пугающая своей антигуманистической направленностью, и первые разрушители машин луддисты и др.) не только интуитивно чувствовали бесчеловечность, но и на себе испытали рольodatка или конкурента машины (мальчик, регулирующий протозолотник, американские народные истории о соревновании горняка и машины и т.п.) [2]. Однако техника – это и комфорт, и величайшее умножение человеческой силы. А.П. Чехов видел в электричестве и паре больше гуманности, чем в проповедях. Технически насыщенный XX век привел общество к необходимости иметь специальные службы, занимающиеся профилактикой, ограничением и ликвидацией последствий различного

рода, в том числе техногенных катастроф. Практика показала, что чем ни сложнее механизм самого совершенного системного образования, тем более велика вероятность неполадок в нем и их катастрофического исхода. В истории человечества, начиная с античности и заканчивая первой четвертью уже XXI века, возможность катастрофического развития событий носила либо военный, либо натуральный, природный характер (включая эпидемии и пандемии).

Предваряя первую опасность, общество имело в состоянии боевой готовности войско, во втором случае принимались меры превентивного характера: оставление места, где должно было произойти землетрясение, наводнение и прочие природные явления, предсказанные и грозящие людям и их имуществу. Однако никакой век, кроме XX-го, не принимал во внимание некоего постоянства техногенной опасности, которое расценивалось бы как неотъемлемое условие существования цивилизации данного типа. МЧС России и соответствующие службы других стран – это показатель того, что факт аварийной угрозы неустраним и неизбежен.

Начиная с конца 80-х – начала 90-х годов XX века слово «спасатель» стало приобретать более широкое значение по сравнению с тем, что было закреплено за ним в предыдущие годы, когда спасатель и спасательные операции ассоциировались в первую очередь с действиями на воде и под водой, а наличие спасательных постов и станций обусловлено было также особенностями водной – речной, озерной или морской – стихией. Расширение круга спасательных операций напрямую связано с ростом технизации, сложностью и возрастанием пространственной составляющей техники, «пантехнизмом» обыденного социального бытия. Масштабные железнодорожные, автомагистральные сети, подземные, воздушные и наземные электро-, нефте- и другие коммуникации, наличие высоких скоростей транспортных средств – чреватые аварийными ситуациями. В этих условиях действия спасателей становятся профессионально необходимыми и их функционирование совмещает в себе: а) долг профессиональный и б) долг общечеловеческий.

Необходимо отметить, что в обстоятельствах ЧС фактор времени начинает играть определенную роль. Например, оптимальным временем, сохраняющим возможность спасения жизни для человека, терпящего бедствие на воде, является период в 5 минут. Если человек пробыл на грунте в течение 10 минут, шансы вернуть его к жизни весьма невелики. Казалось бы, профессионально тут все ясно: нужно уложиться в 5-10 минут и подготовку матросов и водолазов-спасателей направить именно по этому пути. Однако и самые интенсивные тренировки, вырабатывающие автоматизм действия в ЧС различных типов, еще не характеризуют успеха действий, поскольку человеческий фактор не подчиняется в полной мере автоматизму.

Такие экзистенциальные состояния, как страх, тревога, неуверенность, риск, потеря смысла действия по расписанию экстремальных условий и т.п. могут оказаться решающими в деле спасения чужой жизни, имущества или извлечения из воды уже безжизненного тела. Весьма важным моментом является тот факт, что в деле спасения, вектор действия, направленный на другого (других), часто предполагает собственный, личностный риск, а также необходимость взвешивания и оценки его оправданности или неоправданности.

Зачастую в буднях спасателей воплощается ситуация подвига и жертвенности, ситуация героизма. Естественно полагать ее сопряженностью с чувством долга и ответственностью за самого себя. Два противоположных стремления – альтруизм и естественная направленность к самосохранению – сохраняется в индивидууме, выполняющем тот или иной ряд действий в спасательной операции. Самым тяжелым результатом является такой, когда быстрота, четкость, риск и другие компоненты спа-

сательных действий оказываются вне того итога, цели, к которой они были направлены. Единственным утешением в подобных случаях является сакраментальное «сделали все, что могли...».

Смыслоразличительные аспекты двух понятий – «спасения» и «спасания» довольно четко дифференцируются уже в первом приближении, без специального филолого-семантического анализа. Однако строй этих смыслообразующих рядов имеет ярко выраженный признак, немаловажный для характеристики современной цивилизации, особенно ее моральных, этических сторон.

Вопрос о возможности существования общества (цивилизации) вне морали может ставиться в нескольких плоскостях. Во-первых, если принять во внимание наличие определений, в которых мораль и цивилизация осознаются как нераздельное целое, то, естественно, одно не мыслится и феноменально не пребывает без другого. Во-вторых, если мораль выступает только как некий функциональный, но не атрибутивный признак цивилизации, то вполне возможно ее отсутствие или замена другими, сходными по функциональным признакам, социальными институтами. В-третьих, рассматривая мораль как тотальное и сквозное образование, вплетенное в жизнь социума на всех его уровнях и проявляющееся во внутрисоциальных отношениях, мы не можем обнаружить ни одной сферы, непосредственно или опосредованно не затронутой нравственными, моральными отношениями. Особого внимания заслуживает понимание природы морали как сверхъестественного, трансцендентного или, в религиозном смысле, теонимного образования. Прескрипционный (предписывающий) дискурс, становящийся как внедрение сакрального в мирское, вступает в качестве божественных императивов – заповедей, нарушение которых ставит человека в проблемные отношения с его религиозным, конфессиональным окружением.

В целом пребывая на позиции невозможности трактовать цивилизацию как общество, лишенное или индифферентное к морали, мы понимаем, насколько данное положение уязвимо со стороны критики. Не углубляясь в логико-семантический план понятия «цивилизация», мы обрисовываем только его общие определяющие признаки именно для локального словоупотребления, т.е. в контексте данной статьи. Этих признаков два: высокий уровень развития техники и технологии и таковые же культура и моральный мир. Исходя из приведенных параметров, можно предложить следующий вариант определения цивилизации: «Цивилизация – уровень развития общества, характеризующийся высокими технико-экономическими показателями и способностью общества обуздать зло, используя нравственно-правовые механизмы, сохраняя при этом максимум личной свободы, сопряженной с ответственностью».

В данном определении, претендующем на роль только рабочего, т.е. локального, легко заметить неполноту и уязвимость следующих сторон. Во-первых, словосочетание «высокие показатели» отражает только относительный момент, эксплицирующийся при операции сравнения. Во-вторых же, способность «обуздать зло» также может предстать в виде различных смысловых модификаций, вплоть до таких, которые могут исказить внутренне установленную границу, меру морального, особенно при проблематичности применения силы для борьбы с теми или иными видами нравственного зла. И все же, несмотря на явные или скрытые недостатки, приведенное определение цивилизации может, как нам представляется, работать, поскольку оно отражает центральную роль этических категорий в измерении уровня человеческого и человечности, минимально необходимого для сохранения культурно-исторического «лица» индивида и общества, не искаженного чертами зверства.

Когда мы вводим в оборот понятие «спасения» и «спасания», то в первую очередь встает необходимость объяснить суть и смысл таких сопоставлений и разграничений при попытке преодолеть разрыв между сущностью и существованием, «эссенциальным» и «экзистенциальным».

Спасение в христианстве представлено как задача, возложенная на человечество со времени его грехопадения. Грехопадение как «символ» является корнем «христианского предания» [6], но, по словам немецкого теолога, «его значение превосходит миф о падении Адама и имеет универсальный антропологический смысл» [6]. Материалистическая и натуралистическая философия, конечно, не имеет в виду ни понятия греха, ни самого акта грехопадения и может говорить только о несовершенстве человеческой природы, которое преодолевается в прогрессивном развитии человечества и, несмотря на антропогенные цивилизационные проблемы, не является предзаданным и в принципе непреодолимым.

Теологически, спастись может лишь тот, кто сделал заповеди Божьи законом не только своей деятельной, внешней жизни, но и свободно подчинил им жизнь духа, души и сердца. По-видимому, нет смысла особо акцентировать ситуации, в которых проявляется божественное милосердие и снисхождение к метафизической слабости человека, поскольку и здесь на первое место ставятся имплицитные, присущие человеку внутренне, положительные свойства (акт «моментального» спасения разбойника: «Ныне же будешь со мною в Раю»).

Христианство имеет своим центром и основой личность Спасителя, Иисуса Христа. Людская слабость, подверженность смерти и греху не фатальны: «Там, где оказывается несостоятельным человек, там торжествует верность Бога [1].

Никакая мощь науки, техники, преобразовательная деятельность человечества в глобальном и даже космическом масштабах не могут отменить смерти как физического распада и гибели души, как распада морального, победы греха. Никакие только человеческие совокупные усилия не могут спасти от наступления времени и смерти: каждое гигантское усилие изнутри уже подорвано присутствием смерти. Что же остается? Христианская надежда обращена лицом к «абсолютному факту» (Вл. Соловьев) воскресения Одного как залогом полного воскресения всех. В русской религиозной философии была замечена неизбежная робость этой надежды перед лицом неотменимости, неизбежности конца.

Сотериология прежде, чем стать разделом христианской теологии, жила в виде реальной религиозной надежды и веры уже с языческих времен. Так, например, греческое слово «спаситель», «избавитель» было эпитетом многих богов Эллады, особенно Зевса. Указанная выше универсальная антропологическая основа может затмевать религиозный смысл спасения как «предельно желательное состояние человека, характеризующееся избавлением от зла как морального («порабощенности греху»), так и физического (смерти и страдания)» [5].

Для обозначения только человеческого действия, спасающего телесную, либо душевную жизнь личности, мы употребили слово «спасание», подчеркнув его актуальный, погруженный в суть вещей здешнего мира смысл. Спасти человека от гибели – дело, достойное высшей нравственной оценки и все же, в теологическом значении, это спасение будет только временным «спасанием», после которого излеченный, тонувший, умиравший от голода или ран, алкоголя или наркотиков, неразделенной любви и других причин человек все равно умрет и станет добычей тления и забвения.

Мы не можем в силу высшей ценности жизни подвергать сомнению саму мысль о необходимости «спасения» как «спасания» или абсолютной моральной оправданности такого действия, но простая логика заставляет увидеть всю незавершенность и ограниченность человеческого дела, которое, все же, вдохновлено и сверхчеловеческим порывом. Таким образом, антропологический (шире – этико-философский) смысл спасения не может быть утверждён окончательно без теологического (сотериологического) его основания, являющегося первичным и высшим по отношению к данности, хотя факт, что человек, спасающий чью-то жизнь (жизни) может ни в данный момент, ни в последующем не думать о сверхчеловеческой, религиозной стороне этого акта, и даже, более того, оказавшись материалистом и атеистом отрицать его высший смысл. Эссенциальный разрыв спасения и спасания преодолевается в евангельской сентенции о том, что тот спасет душу свою, кто положит ее «за други своя».

Реальный смысл настоящего, прошлого и будущего цивилизации заключается в этом плане и его осуществлении как спасения и спасения каждого для всех и всех для каждого. Его этический и сакральный смысл утверждены на сущностно человеческом в человеке, а вектор развития направлен в сторону реализации, действительного осуществления идеи богочеловечества. Конкретика бытия бесконечно дробит эту высшую идею, делая саму человеческую жизнь лишь сиюминутной и моментальной.

В последнее время все чаще картины катастроф и действий спасателей становятся центром внимания СМИ и, что особенно важно, телевидения. Приучая своего зрителя, читателя, слушателя к восприятию такого рода «экстремальной» информации, СМИ, к сожалению, почти не считаются с нравственной, морально-этической

стороной дела. Между тем, результаты такого пренебрежения – самые негативные: притупление или атрофирование чувства жалости, сострадания, солидарности, гуманизма, – одним словом, нанесения ущерба тому, без чего цивилизация, какого бы высокого, технического, уровня она не достигла, не может быть человеческой и человеческой, теряя свои собственно цивилизационные признаки и принципы.

«...среди множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX в., одной из главных и часто скрытой от глаз является антропологическая катастрофа... Я имею в виду событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в связи с разрушением или просто отсутствием цивилизованных основ процесса жизни» [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт К. Очерк догматики. СПб.: Алетейя, 2000. С. 135.
2. Козлова Н.П. Этика ответственности в условиях техногенной цивилизации Ганса Йонаса: автореферат дисс... кандидата философских наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). Москва, 2007. 26 с.
3. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Как я понимаю философию. М., 1992. URL: <https://omiliya.org/article/soznanie-i-tsvilizatsiya-mkmmamardashvili.html> (Дата обращения: 1.06.2023)
4. Мочалов Е.В. Гуманитаристика в XXI веке: кризис философии или философия кризиса? // Гуманитарий. 2009. № 8. С. 134-137.
5. Спасение // Энциклопедия мистицизма. СПб.: Литера, 1997. С. 378.
6. Тиллих П. Систематическое богословие. СПб.: Алетейя, 1998. С. 336.

© Пугачев Олег Сергеевич (pugachev.o.s@pgau.ru), Русакович Юрий Александрович,
Дорофеева Татьяна Геннадьевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»